

Столь полярные точки зрения существуют в историографии и при оценке различных аспектов жизни Советской России, включая и политическую символику, роль которой при изучении российского общества представляется исключительно существенной. Характерно, что сегодня наблюдается большой интерес к знакам, символам, эмблемам¹⁰. Особое внимание уделяется государственной символике, причем до сих пор не изжито противостояние, возникшее в российском обществе в 1990-е гг. в связи с введением эмблем новой, демократической России. Явное незнание истории возникновения государственных знаков Российской империи, их роли в становлении русской государственности вызвали негативную реакцию на возвращение двуглавого орла и трехцветного флага, когда-то закрепленных в качестве российских символов великими государями нашего Отечества — Иваном III и Петром I. С другой стороны, столь же неадекватными выглядят безоговорочные охаивания советских символов и эмблем, получивших распространение во многих других государствах¹¹.

Советское общество имело о них лишь самое общее представление. Немногочисленные работы историков, написанные, как правило, к юбилейным датам, кратко освещали историю официальных государственных знаков, прежде всего гербов¹². При этом история таких эмблем, как серп и молот, красная пятиконечная звезда, красный флаг и т. д., излагалась крайне формально, без достаточного источниковедческого анализа. Это явилось своеобразным «обоснованием» широко распространенной в настоящее время интерпретации советских эмблем в «конспирологическом ключе» с обнаружением в их основе масонской семиотики¹³.

убожество», «серость». По мнению Вересаева, при похоронах «нужны торжественные величавые гимны», что и осуществили большевики еще в 1920 г. (См.: *Вересаев В. В.* Об обрядах старых и новых. М., 1926. С. 8—11, 12—13).

¹⁰ *Соболева Н. А.* К вопросу о символике России в первой четверти XX столетия: новые подходы к исследованию // Россия в XIX—XX веках. Материалы II научных чтений памяти проф. В. И. Бovyкина. М., 2002. С. 337—338.

¹¹ *Караманчев В.* Пролетарская символика / Пер. с болг. М., 1978; *Husár J.* Revolučné symboly. Bratislava, 1979; *Корфф Г.* Указ. соч. С. 166 и далее; *Siklósa A.* Magyarország, 1918—1919. Ésemények, képek, dokumentumok. Budapest, 1978. S. 15, 308, 324—325, 340, 345, 356

¹² См.: *Смирнов И. С.* Ленин и советская культура. М., 1960. С. 369—372; *Лунпол А. Н.* Из истории советского государственного герба // Ежегодник Государственного исторического музея. М., 1960; *Каменцева Е. И., Лунпол А. Н.* Как создавался советский герб // Вопросы истории. 1962. № 12; *Киселев Г. Ф., Любишева В. А. В. И. Ленин и создание государственной печати и герба РСФСР // История СССР. 1966. № 5; В. И. Ленин и изобразительное искусство. Документы. Письма. Воспоминания. М., 1977. С. 457—476; Поцелуев В. А. Гербы Союза ССР: из истории разработки. М., 1987; *Иванченко А. В.* Союз серпа и молота. Государственные символы РСФСР. М., 1987.*

¹³ Обзор конспирологической литературы по проблемам социалистической символики дается в работе: *Багдасарян В. Э.* «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX—XX вв. М., 1999. С. 408—416. Восприятие символики советского государства через идентификацию ее масонским и каббалистическим знакам, к сожалению, появляется и на страницах трудов весьма уважаемых авторов. См., напр.: *Чудакова М. О.* Антихристианская

Противники тоталитарной коммунистической власти, безоговорочно отрицая даже самые положительные ее начинания, крайне нелицеприятно отзываются и об ее эмблематике. Между тем каждая эмблема имеет свою собственную историю, независимую от контекста ее применения в ту или иную эпоху. Непонимание или отрицание этого факта крайне ограничивает эффективность пропагандистской функции вновь вводимых политических эмблем, ущемляет историческое сознание.

В настоящее время список работ, посвященных политическим символам России и СССР, пополняется новыми современными отечественными и зарубежными исследованиями¹⁴. Многие авторы за счет расширения традиционного круга источников, привлечения изобразительного материала, прессы, данных других наук (психологии, лингвистики, политологии) пытаются воссоздать объективную картину возникновения, развития и формирования конкретных символов, а сравнительный анализ политической символики разных стран помогает не только объяснить концептуальную трансформацию и модификацию политических эмблем, но и осознать их воздействие на общество. Журнал «Отечественная история» неоднократно проявлял интерес к подобного рода работам, предоставляя свои страницы авторам, демонстрирующим новаторство в изучении истории символики различных эпох. Свидетельством этого является и публикация настоящей статьи.

Существующая историческая традиция, полярно оценивая символику советского государства, тем не менее почти всегда исходит из общих представлений о роли большевистского руководства в инициации ее системной разработки «буквально с первых дней советской власти» в соответствии с установленными идеологическими понятиями. «Сразу же после революции 6/7 ноября советская власть приступила к ликвидации старого и строительству нового мира. И не только в области прагматики (смены общественных институтов). Ликвидировалась и вся, объявленная идеологически враждебной, семиосфера... Явление в русской истории не новое, известное хотя бы по описаниям (как радикальных, разовых акций) крещения Руси или реформ Петра I», — пишет, например, польский исследователь Е. Фарино¹⁵, солидаризируясь со многими историками советской поры. В представлении М. О. Чудаковой большевики имели развернутую философскую программу в отношении символики будущего государства уже в начале 1917 г., в частности переосмыслили

мифология советского времени // Библия в культуре и искусстве. Материалы научной конференции «Випперовские чтения. 1995». Вып. XXVIII. М., 1996. С. 331—359.

¹⁴ См.: Рапопорт А. Трактор в советской культуре // *Studia litteraria Polono-Slavica*. 3. Warszawa, 1999. S. 209—221; Bobryk R., Faryno J. Parowóz wzorowego maszynisty // *Ibid.* S. 243—246; Faryno J. Эмблемы СССР // *Ibid.* S. 267—283; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001; Шевченко Л. В. История становления государственной символики и ее роль в укреплении Российского государства в 1990-е годы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004.

¹⁵ Faryno J. Op. cit. S. 267. Известно, что «разовой акцией» не ограничивалась христианизация Руси, где язычество заявляло о себе в течение многих столетий; реформы Петра I также были не столь скоропалительны, как они могут показаться неспециалисту.

Рисунок Государственного герба РСФСР, помещенный на обложке брошюры с текстом Конституции 1918 г.

но странным применительно к понятию *субкультура*). Ни о каких более конкретных символах, использованных впоследствии большевиками или создателями особой политической субкультуры, не сообщается.

Между тем для законспирированных сообществ, как правило, характерна специфическая символика в виде не только философских постулатов или ритуальных действий, но и объединяющих соратников символических знаков, имеющих особый сокровенный смысл, незнакомый посторонним¹¹⁸. По этой логике Ленин, прибывший в апреле 1917 г. на Финляндский вокзал Петрограда и произнесший речь с призывом к борьбе за социалистическую революцию, должен был держать в руках «серп и молот», а на кепку прикрепить красную пятиконечную звезду. Подобная атрибутика могла бы «украшать» встречающих Ленина большевиков, но, как пишут современники, даже на его предложение спеть вместо «Марсельезы» «Интернационал», будущий гимн Страны Советов, мало кто откликнулся из-за незнания слов.

«Вещевые реликвии Октября», сохранившиеся в музейных фондах — жетоны с революционными призывами, выпущенные Петроградским и Московским комитетами РСДРП и Советами других российских городов в 1917 г., печати различных организаций РСДРП, революционных комитетов, комиссий и т. д., относящиеся к 1917 и даже к 1918 г., — не несут какой-либо революционной символики, ограничиваясь надписями. Например, печать председателя Петроградского ВРК Н. И. Подвойского — это прямоугольник на металлической основе с деревянной

¹⁶ Чудакова М. О. Указ. соч. С. 349—359.

¹⁷ Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 16.

¹⁸ См. об этом: Соловьев О. Ф. Символика масонских клятв // Масонство и масоны. Вып. III. М., 1988. С. 4.

социальную роль звезды, превратив ее из рождественского христианского символа в символ, подобный звезде пифагорейцев, которых пентаграмма «объединила в группу», являясь «средством заклинания и достижения могущества»¹⁶. Автор новаторского исследования «Символы власти и борьба за власть» Б. И. Колоницкий считает, что к моменту отречения Николая II от престола «в России сложилась развитая политическая субкультура революционного подполья»¹⁷. Ее важнейшими элементами, по мнению автора, являлись революционные песни, красные стяги и демонстративное нарушение общественного порядка, соотносимое с погромами (последнее утверждение выглядит доволь-

Символизирующий кровь, пролитую парижанами на Марсовом поле в июле 1791 г., когда они собрались для подписи петиции об отречении короля от власти и были жестоко разогнаны правительственными войсками, красный стяг окончательно превратился в символ борьбы и крови («Он превратился с этого времени в символ революции»)²⁵. Коммуна 1871 г. восстановила красный флаг как эмблему. Версальцы его топтали, сжигали, рвали. Ожесточение достигало крайностей: за ношение красного галстука, за красный пояс даже сажали в тюрьму.

Таким образом, в качестве символа революции выступал не только красный стяг, но и красный цвет вообще. Деятельница Парижской коммуны Луиза Мишель предложила покрывать тела погибших коммунаров красными стягами, а черные ленты и полотнища, символизировавшие смерть, составили вместе с красными стягами своеобразное сочетание, использовавшееся затем многими поколениями социал-демократов и пролетариев. При погребении самой Луизы Мишель «перемешались красные и черные флаги»²⁶.

Исследователи немецкого социал-демократического движения считают, что красный цвет начал появляться на политической сцене в канун и во время революций 1848 г. как знак, который позволял отличать пролетарских активистов от буржуазных и мелкобуржуазных элементов революционного лагеря. Затем оформился и сам символ — красное знамя. Во время революций 1848 г. и конституционных реформ в Германии красный флаг являлся символом «рождения в борьбе». Как политический символ он был воспринят рабочим движением вместе с праздником 1-го Мая, а затем — с эмблемой «сжатый кулак», которая существовала не только в Германии, но и во Франции, Испании, став международным социалистическим «опознавательным» знаком²⁷. В СССР он также был хорошо известен, однако на первых этапах существования советского государства кулак соединялся с мощной фигурой рабочего, держащего молот или разбивающего цепи — оковы самодержавия. Эта фигура рабочего с молотом использовалась в России еще задолго до Октября 1917 г., как явствует из материалов, попавших в полицию при аресте российских социал-демократов²⁸.

Подобно социал-демократии других стран, и красный цвет, и красные стяги в России применялись в антицаристских выступлениях уже во второй половине XIX в. Популярными были такие «народные» знаки, как красные галстуки у мужчин

Одна из первых советских эмблем — знак РККА. 1918—1922 гг.

²⁵ Sfez L. Op. cit. P. 66—67.

²⁶ Ibid. P. 68.

²⁷ Корф Г. Указ. соч. С. 168—169, 166.

²⁸ Подробнее см.: Соболева Н. А. Указ. соч. С. 343—345.

местных эмиссий, например в Астрахани и Армавире. Считалось, что при отсутствии каких-либо государственных эмблем новой власти двуглавый орел Временного правительства придаст дензнакам «солидность». Использовали его, по крайней мере в течение 1918 г., и на знаменах Красной армии⁴⁵, на удостоверениях личности и членских билетах, о чем свидетельствуют многочисленные музейные экспонаты.

Применяя употребляемые ныне психологические термины, можно отметить, что послефевральская Россия заимствовала из революционной Франции конца XVIII в. не только «символы-объекты» — аллегории, девизы и т. д., «символы-звуки» — «Марсельезу», «символы-действия» — возложения венков, демонстрации, митинги, но также «символ-персону». «Благородным символом благородной Февральской революции» был назван возглавлявший с июля 1917 г. Временное правительство А. Ф. Керенский⁴⁶. Ни один из самых известных деятелей Французской буржуазной революции — Дантон, Марат, Робеспьер, наверное, не получал столько восхвалений, сколько выпало на долю Керенского. «Солнце свободы России», «красное солнышко русского народа», «маяк, светоч, к которому тянутся руки выбившихся из сил пловцов», «любимый вождь революции» и т. д. — все эти эпитеты, сопровождаемые коленопреклонением, целованием рук, одариванием цветами и венками, относились, однако, к обожествляемому русским народом политическому деятелю очень недолго. Возможно, его ждала бы участь трех упомянутых выше французских революционеров (насильственная смерть), однако ему суждено было позорно скрыться.

Кроме многочисленных портретов Керенского, которые несли демонстранты, которыми украшали стены ресторанов и учреждений, «в народ» потоком хлынули значки с его изображением и надписью на оборотной стороне: «Славный мудрый честный и любимый вождь свободного народа». Можно согласиться с автором книги «Символы власти и борьба за власть» Б. И. Колоницким в том, что «символы, найденные Керенским, его сторонниками и почитателями, были затем использованы при создании культов большевистских вождей, имена и образы которых также становились символами их режима»⁴⁷.

Возвращаясь к оценке революционных символов периода февраля — октября 1917 г., необходимо подчеркнуть значимость античной темы при формировании многих художественных образов, которые широко использовались большевиками в первые послереволюционные годы. Эти образы не воспринимаются как трансформированные и усвоенные под влиянием Французской буржуазной революции. Дело в том, что в предшествующие революции 1917 г. десятилетия в творчестве многих российских художников наблюдаются реминисценции античного стиля. Первенствовали здесь представители «Мира искусства». Многие из них побывали в разные годы в Италии, восторженное отношение к которой, «чувство Рима» они

45 Корнаков П. К. Краски войны // Родина. 1990. № 10. С. 29, 34, 52.

46 Колоницкий Б. И. Указ. соч. С. 314—318.

47 Там же. С. 317.

Изображение эмблемы «Серп и молот» на знаменах весны — лета 1917 г.
(по П. К. Корнакову)

сохранили в течение всей своей жизни. Античные образы присутствуют на плакатах, открытках, прочей изопродукции и даже в политической литературе. Например, в 1917 г. в Петрограде было осуществлено издание «Календаря русской революции». В создании его рисунков участвовали Чехонин, Добужинский, Лансере и др., причем колонны, ступенчатые постройку, венки, оливковые ветви и другие античные элементы широко используются почти всеми авторами (книга выходила в издательстве «Шиповник» в 1907 г., но ее тираж тогда арестовали). Близкий по духу «мирискусникам», А. В. Луначарский в статьях и лекциях, посвященных культуре и эстетическому воспитанию пролетариата, отмечал, в частности, что античная символика могла бы выступить не только как образец классического искусства, но и как средство социального воспитания граждан нового государства. Со ссылкой на К. Маркса он писал, что можно считать «безнадежными идиотами людей, не понимающих значения античного искусства для пролетариата»⁴⁸.

После октябрьских событий классическая символика использовалась не менее интенсивно, чем в предшествующее время. Революция как бы рядилась в одежды романтики и красоты. Богини Свободы и Победы присутствуют в праздничном оформлении Петрограда, Москвы и других городов к праздникам 1 мая

⁴⁸ Луначарский А. В. Об искусстве. Т. 2. М., 1982. С. 85.

Письма подобного содержания, особенно многочисленные в отношении флагов советского государства, если и не влияли на кардинальное изменение российской символики, то способствовали более тщательному подходу к выбору и описанию эмблем, и что главное — к более осмысленной их пропаганде. Особенно остро критиковал статьи о гербе и флаге теперь уже СССР все тот же Дунин-Борковский. В письме на имя председателя ЦИКа М. И. Калинина от 20 июля 1923 г. он, в частности, пишет: «...Наши заграничные миссии пренаивно запрашивали НКВД, правда ли, что в России существует герб, ибо никто даже из ответственных лиц не знает, какой у нас герб и какие флаги. А как их знать, если в Конституции об этом сказано так, что понимай, что хочешь. Это относится и к Конституции СССР и РСФСР, причем в последней государственный герб смешан с государственной печатью, а о государственном флаге говорится дважды...» Далее следует предложение об издании изображения и описания вводимых атрибутов власти, «а то даже такие выдающиеся специалисты в области геральдики и знаменоведения, как проф. В. К. Лукомский и П. И. Белавенец, сознаются, что в области советской геральдики и знаменоведения они не сильны, так как нет никаких точных источников»⁹⁸.

В следующем письме в Секретариат ВЦИК Дунин-Борковский повторяет свои обвинения по поводу недостаточной проработки вопроса о символике в Конституции страны: «Мне кажется, что в данном случае следует придерживаться чего-нибудь одного: если, по мнению ВЦИК, герб, флаги и печать — пустяк, то их вовсе исключить из Конституции, а если это вещи серьезные, то и относиться к ним надо серьезно и не ограничиваться совершенно безграмотными общими местами, а составлять текст Конституции так же определенно, точно и научно, как он составляется по всем другим вопросам, ибо Основной закон не должен заключать никаких неточностей, допускающих произвольные, а потому разнообразные толкования»⁹⁹.

Процесс создания герба СССР все же коренным образом отличался от действий, в результате которых возник знак «печать-герб» РСФСР. Этот процесс заслуживает специального рассмотрения, здесь же отмечу только, что, как и в случае с Камзолкиным, «обозначенным» автором эмблемы «серп и молот», художественное воссоздание герба Союза ССР приписывается художнику Гознака И. И. Дубасову. Комиссия, созданная для выработки символики СССР, действительно сотрудничала с Гознаком, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы, однако, как правильно сообщается в некоторых изданиях последних лет, первенствующая роль принадлежит не Дубасову, а В. Н. Адрианову, также сотруднику Гознака. Наиболее достоверную справку по этому вопросу дал сам Дубасов, главный художник Гознака с 1932 по 1971 г., автор всемирно известной серии из четырех траурных марок

манере. См.: Ленин в зарисовках и в воспоминаниях художников. М.; Л., 1928. Рис. М. В. Добужинского; *Метлицкий Б. Г.* Указ. соч. С. 39, 43.

⁹⁸ ГАРФ. Ф. 3316. Оп. 16. Д. 45. Л. 74, 74 об., 75.

⁹⁹ Там же. Л. 43—44.

энергии его, по-видимому, использовали социал-демократы разных стран, которые видели в мощной мужской фигуре с молотом символ пролетария, разбивающего оковы старого мира и кующего новый мир. Эта символика характерна для пропагандистских иллюстраций социал-демократии России, причем нередко рядом с рабочим и его орудиями труда — топором, лопатой, кайлом, молотом, пилой — изображен и крестьянин с соответствующими крестьянскому труду предметами — плугом, бороной, косой.

В России после Февральской революции использование подобных образов — фигур тружеников с орудиями труда (рабочих, крестьян, солдат) — становится нормой, особенно при оформлении знамен. Один из учащихся Академии художеств вспоминал: «К нам в Академию являлись рабочие с заводов и фабрик и приносили тексты лозунгов и красную материю. Мы писали эти лозунги, стараясь украсить их эмблемами производства: наковальнями, шестернями, молотами, серпами и так далее»¹⁰¹. Рабочие каждого предприятия старались выйти на улицы со своими стягами, на которых изображался их труд. «Здесь были знамена, отображающие цеховую принадлежность демонстрантов (повара несли знамена с изображением повара, горничной и лакея, а дворники шли с плакатом, на котором был нарисован человек с метлой)». Иногда подобная образность граничила с символикой: «Примером тому может служить знамя профессионального союза петроградских металлистов, на котором изображен был рабочий, стоящий у колеса машины. Текст гласил: “В единении — сила. Энергия — первый рычаг в промышленности”». Известно еще одно рабочее знамя, принадлежащее рабочим Путиловского завода. На рисунке, как предполагают сделанном профессионалом, изображена Свобода — женщина в белой тунике, стоящая на земном шаре с пальмовой веткой в одной руке и с зажженным факелом — в другой. Эту аллегорическую фигуру сопровождал текст: «Да здравствует Интернационал»¹⁰².

Исследователь знамен Февральской революции П. К. Корнаков при классификации выделил те из них, на которых изображались сложные композиции: фигуры рабочего, крестьянина и солдата сходились в крепком рукопожатии, иногда это были две фигуры — рабочего и солдата, иногда — рабочего и крестьянина. Они изображались с орудиями своего труда¹⁰³. Особенно популярными являлись дарственные знамена, которые вручались армейским полкам различными организациями и промышленными предприятиями. Одновременно со знаменами, на которых полностью разворачивалась картина «братания», появились стяги, где многофигурная композиция заменялась более простыми, легко и быстро воспроизводимыми на полотнище фигурами (возможно, это происходило из-за спешки или отсутствия материала). От детальных изображений оставались лишь «орудия

¹⁰¹ Цит. по: Лапшин В. П. Указ. соч. С. 122.

¹⁰² Там же. С. 120—122.

¹⁰³ Корнаков П. К. Знамена Февральской революции // Геральдика. Материалы и исследования. Л., 1983. С. 12—26.

*Агитационный плакат, призывающий граждан России
вступить в Коммунистическую партию. 1920 г.
Художник неизвестен*

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Плакат к годовщине Октябрьской революции: единение рабочих и крестьян.
Художник А. Ансит. Москва, 1918 г.